

0587

ЦЕНТРПОЛИГРАФ



HARLEQUIN®

Кара Колтер

**ПОДАРИ
МНЕ ВОЛШЕБСТВО**



Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кара Колтер
Подари мне волшебство
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 587

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17875555
К. Колтер. Подари мне волшебство: ЗАО «Издательство
Центрополиграф»; Москва; 2016
ISBN 978-5-227-06395-3

Аннотация

Ханна давно уехала из родительского дома, тщательно скрывая от всех причину своего бегства. Успешный предприниматель Сэм когда-то был полунцивом мальчишкой. Они снова встретились в родном городке спустя годы...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	37
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Кара Колтер

Подари мне волшебство

Cara Colter

Meet Me Under the Mistletoe

© 2014 by Cara Colter

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Глава 1

– Хватит! Я увольняюсь!

Ханна Меррифилд поморщилась и отодвинула телефонную трубку от своего уха, но затем снова прижала ее, чтобы сослуживцы из солидной бухгалтерской фирмы не услышали агрессивного голоса звонившего.

– Ну-ну, мистер Дьюи, – примирительным голосом произнесла она, – вы не можете сейчас уволиться.

– Не могу?! – возмущенно крикнул мистер Дьюи. – Не могу?

– Вы поставите меня в крайне затруднительное положение, – успокаивающе говорила Ханна, борясь с соблазном держать трубку подальше от своего уха. – Сегодня тридцатое ноября, до Рождества считанные недели.

– К черту Рождество!

Ханна не могла не согласиться: именно это ей самой хотелось сказать уже миллион раз. Она закрыла глаза, чтобы не видеть кипы бумаг, сваленных на столе. Ей хотелось наорать на мистера Дьюи, менеджера Рождественской фермы.

Елочная ферма принадлежала ее семье с конца тысяча восьмисотых годов. Ханна стала ее единственной владелицей полгода назад, после кончины матери.

Фермерская долина... Место, в которое она никогда не хотела возвращаться. И до этого звонка ей действительно ка-

залось, что это возможно.

– Разве завтра не приезжает посетитель? – напомнила она Дьюи. – Потенциальный покупатель. Если бы вы продержались до его приезда и показали ферму, у меня бы появился шанс найти другого управляющего. Я буду вам очень признательна...

– Послушайте вот это.

Ханна услышала в трубке странный звук: визг шин и какой-то утробный рев.

– Это еще что?

– Чертов пони! Это сущий дьявол! И она снова сбежала. Я устал. Устал от этой карликовой лошади, от людей, стучащих в дверь моего коттеджа днем и ночью ради елок, венков и саней! Я больше не могу слышать эти «хо-хо-хо» и «весело-го Рождества»! Я все это просто ненавижу, но больше всего Молли, эту карликовую лошадь!

На самом деле мистер Дьюи почти с пугающей точностью описывал ее собственные эмоции, которые одолевали Ханну каждый раз, как она оказывалась на Рождественской елочной ферме.

Все ее раздражение из-за тяжелой работы, продажи деревьев, костюмов эльфов и новых трюков отца, чтобы повысить спрос на елки и венки, накапливалось к концу сумасшедшей недели перед Рождеством.

– Мистер Дьюи, – осторожно спросила Ханна, – вы пили?

– Пил, но не так много, как планировал.

На этих словах телефон Ханны замолчал. Она сразу же перезвонила, но мистер Дьюи не взял трубку.

Ханна неподвижно сидела за столом. Лошадь свободно бегает по шоссе, а у нее, можно сказать, нет менеджера на следующие двадцать четыре самых прибыльных дня, предшествующих Рождеству!

Прибыль, которую приносила ферма, значительно сократилась за последние десять лет, и Ханну каждый раз одолевало состояние, близкое к панике, когда она думала о попытке покрыть эти расходы самостоятельно.

Ферму придется продать. Сейчас это необходимо, как никогда. Придется ей завтра самой встретиться с покупателем – может, что-то из этого и выйдет. Она просто не могла себе представить, что мистер Дьюи в его нынешнем состоянии способен совершить удачную сделку.

А что потом, спрашивала себя Ханна. Она не могла взять отпуск перед самым Рождеством.

Ферма находилась в двух часах езды к северу от Нью-Йорка. Норовистая Молли может погибнуть к тому времени, как Ханна туда доберется. Ее посетила жестокая мысль, которая наверняка приходила в голову и мистеру Дьюи: смерть Молли не принесет никому облегчения. Может, если Молли не станет, он передумает увольняться?

Ханна была просто в отчаянии!

Но прямо сейчас у нее были совсем другие заботы. Работа в крупной фирме научила ее одной важной вещи. Ответ-

ственность, ответственность и еще раз ответственность!

– Мне очень жаль, – заикаясь, говорила Ханна мистеру Бэнксу, своему начальнику, несколько минут спустя. – Мне нужно уехать, по семейным обстоятельствам.

Вообще-то это не совсем правда, потому что семьи у нее больше не было, равно как и надежды на то, что семья у нее скоро появится. Ее жених Даррен разорвал помолвку меньше чем через месяц после смерти ее матери.

Но Ханна не хотела сейчас об этом думать, у нее была куда более насущная проблема. Мистер Бэнкс не выглядел очень сочувствующим. Он спустил очки на кончик носа и неодобрительно посмотрел на нее.

После разрыва отношений с женихом Ханна работала по двенадцать – четырнадцать часов в сутки. Работа заполняла почти все ее свободное время, и она даже была этому рада. Благодаря усердной работе она стала лучшим сотрудником Бэнкса и первым претендентом на повышение.

– Как долго вас не будет? – резко спросил он.

– Двадцать четыре часа, – опрометчиво выпалила Ханна.

– Ни минутой больше, – строго сказал Бэнкс и так тяжело вздохнул, словно Ханна была самым большим разочарованием в его жизни.

Кажется, ее потенциальное продвижение по службе находится в не меньшей опасности, чем жизнь Молли...

Всего несколько месяцев назад Ханна была так уверена в собственном будущем, так твердо стояла на ногах. Повыше-

ние в должности, будущая свадьба... Но сейчас она попала в положение, которое ненавидела всей душой: вся ее жизнь находилась в состоянии полной неопределенности.

Сэм Чисхолм включил автомобильные «дворники» на самую высокую скорость, но они все равно с трудом справлялись с непрерывно падающими на лобовое стекло снежинками: снегопад явно усиливался. Снег плотными шапками ложился на ветки елей и образовывал сугробы на обочинах дорог.

Эта часть штата Нью-Йорк была хороша, как рождественская открытка, и снегопад, несмотря на некоторые неудобства, лишь добавлял очарования пейзажу. Вершины холмов были покрыты белыми снежными шапками, силуэты коров и лошадей темнели на белоснежном фоне. Автомобиль Сэма проехал по причудливому мостику, пересекавшему серебряный ручей, словно мишура на елке.

Сэму была хорошо знакома эта местность, но время имеет свойство все менять, и он начал было думать, не пропустил ли он нужный поворот.

Вот она! Рождественская ферма.

Он почти проехал мимо, но вовремя остановился, отметив про себя, что указатель исчез и огни не горели. Сэм не был экспертом в выборе рождественских елок, но он подумал, что люди могут приехать сюда и вечером, чтобы купить дерево. Он взглянул на часы. Было всего восемь часов, хо-

тя темнота стояла такая, что казалось, давно перевалило за полночь.

Сэм резко повернул руль, и машину слегка занесло. Он увидел табличку «Продается», но в такую непогоду она была едва видна. Впереди виднелись следы шин недавно проехавшей машины, которую, судя по тормозному пути, тоже занесло на скользкой дороге.

Вдруг, словно из ниоткуда, на обочине материализовалась какая-то фигура. Низкорослый, словно гном, человек с натянутым по самые глаза капюшоном вел под уздцы пони. Животное, ослепленное светом фар, бросилось прямо под колеса машины Сэма. Человек, против здравого смысла, не бросил узду и упал на колени, а испуганное животное волокло его за собой.

Сэм резко ударил по тормозам, машину развернуло на скользкой дороге, и тут он услышал тошнотворный звук. Сэм поставил автомобиль на ручной тормоз, выскочил из машины и бросился к переднему бамперу. Карлик, целый и невредимый, стоял на коленях и отплевывался от снега. Серый коренастый пони с взлохмаченной темной гривой лежал под самым бампером. Пони отряхнул припорошенную снегом гриву, громко фыркнул и вскочил на ноги. Животное злобно взглянуло на Сэма и попятилось. Он осторожно придвинулся к пони, но тот снова сделал шаг назад.

– Не пытайтесь ее поймать, – произнес карлик неожиданно мелодичным женским голосом, – иначе она побежит.

– С вами все в порядке? – спросил Сэм, опустившись на колени рядом с женщиной. – Почему вы, черт возьми, не отпустили поводок, когда животное побежало? Этот пони уволок вас практически под колеса моей машины!

– Я бы отпустила, если бы не пыталась поймать эту дурочку целых полтора часа!

Что-то в голосе этой женщины, раздраженном и хриплом, заставило Сэма вздрогнуть. Он протянул руку к ее капюшону и откинул его, осознав, что задержал дыхание. Капюшон упал назад, и Сэм обнаружил, что видит самые прекрасные глаза на свете: карие, с зелеными и золотистыми прожилками. Медового цвета волосы девушки отливали золотом.

У Сэма перехватило дыхание. Ханна Меррифилд повзрослела, и меньше всего она походила на карлицу.

Глава 2

Ханна? Не может быть! Сэм изумленно разглядывал девушку. Под необъятной клетчатой курткой, которую она, видимо, второпях набросила на себя, был надет изящный черный костюм, выгодно подчеркивавший стройную фигуру с приятными округлостями в нужных местах.

Ханна с досадой посмотрела на пони и провела рукой по растрепавшимся волосам. Однако макияж был в полном порядке: сдержанный, но изысканный, оттеняющий красоту и необычный оттенок ее глаз, в которых читались испуг и раздражение. Ее губы были покрыты нежно-розовым блеском, и Сэм внезапно вспомнил вкус и мягкость этих полных губ.

На щеках Ханны розовел нежный румянец: то ли от мороза, то ли искусно нанесенный косметикой – Сэм так и не понял, но на фоне ее фарфоровой кожи румянец подчеркивал высокие скулы. Когда-то давно она была очень милой, а теперь детская миловидность превратилась в изысканную красоту.

– Ханна. Ханна Меррифилд, – растерянно произнес он, пригладив рукой влажные от растаявшего снега волосы. – Мистер Дьюи сказал, что ты здесь больше не живешь. Уже много лет.

– Так и есть, – ответила она слегка дрожащим голосом, выдававшим волнение, которое она надеялась скрыть.

– Тогда что ты здесь делаешь?

– Мистер Дьюи два часа назад уволился, хотя я все еще надеюсь, что к утру он передумает. Он сказал, что пони убежал в сторону шоссе.

Сэм был уверен, что Ханна бы чертовски разозлилась, если бы узнала, что под всем ее внешним лоском он все еще видит девочку, которую родители наряжали рождественским эльфом для помощи в продаже деревьев на елочной ферме. Возможно, такое впечатление создавала огромная парка и большие сапоги, тоже явно чужие, но Сэму она сейчас виделась ребенком, играющим во взрослого.

Он вдруг так ясно вспомнил ее в зеленом костюме эльфа рядом с отцом, словно это было вчера. Ей тогда было, наверное, лет пятнадцать. Тогда-то он впервые и заметил девочку, учившуюся в той же школе, что и он сам, но на год младше.

Ей хотелось провалиться сквозь землю от стыда, потому что он увидел ее в таком виде. Он тоже был всего лишь мальчишкой и не смог удержаться от того, чтобы подразнить Ханну. Ему доставило удовольствие наблюдать, как она в ответ шипит от ярости, напоминая рассерженного котенка. Сэм напомнил себе, что у Ханны Меррифилд острые коготки.

Ханна отвела взгляд от пони и посмотрела на мужчину, удивляясь про себя, откуда он ее может знать. А потом она его узнала.

– Сэм? – ошеломленно спросила она, столь же обескура-

женная этой неожиданной встречей, как и он сам. – Сэм Чисхолм?

– Собственной персоной.

Ханна снова пригладила пальцами свои густые волосы и взглянула на свою огромную куртку и нелепые ботинки.

– Вот черт! – пробормотала она себе под нос, и Сэм удивленно поднял бровь. – Обычно, встречая человека из своего прошлого, хочется произвести хорошее впечатление, – произнесла она это, покраснела и прикусила нижнюю губу, успев пожалеть о сказанном. – Я бухгалтер.

Сэм понял, что она старается отделить себя теперешнюю от образа очаровательного рождественского эльфа, в котором он впервые ее увидел. Тем не менее он старался выглядеть не слишком потрясенным. Ханна – бухгалтер?

– Может, ты уже отпустишь пони?

– Тебе легко говорить! – сказала она, осторожно потирая руку. – Я его только что поймала.

– Что с твоей рукой?

– Ничего.

– Кажется, я помню, что у вас раньше был весьма строптивый пони, который доставлял немало хлопот.

– Это тот же самый пони. И он снова сбежал.

– Ну, кажется, сейчас он никуда не собирается бежать. Можно я осмотрю твою руку?

– Нет. И он всегда создает впечатление, что никуда не собирается бежать. Он копит энергию, чтобы сделать рывок,

когда его попытаются снова поймать.

Вопреки здравому смыслу Сэм протянул Ханне руки и заметил, что она в ответ дала ему только одну. Он осторожно встал на ноги на обледенелой дороге и помог подняться Ханне.

Они стояли друг напротив друга. Сэм внимательно смотрел на Ханну и отмечал, как мало она изменилась. Если смыть ее легкий макияж, она будет выглядеть почти так же, как в пятнадцать лет. Разве что тени, залегшие под ее глазами, выдавали печаль и усталость. Ему захотелось сжать ее руку, которую он все еще держал в своих ладонях, в знак поддержки и участия.

– Я сожалею о твоей маме, – искренне произнес он и крепко сжал ее руку. – Уже полгода прошло?

Ханна кивнула. Она смотрела на свою руку, зажатую в ладонях Сэма, и ощутила тот же электрический импульс от этого простого прикосновения, что и он. Сэм засунул руки в карманы своей длинной кожаной куртки.

– Извини, что чуть не сбил тебя. Мне показалось, что вы с пони словно материализовались из ночного воздуха. Как думаешь, с пони все в порядке?

– Боюсь, что да, – мрачно ответила она, и Сэм не смог не улыбнуться ее тону. – Я оказалась здесь именно из-за нее. Управляющий фермой только что уволился из-за ее отвратительных выходок. Хотя я надеюсь, что смогу отговорить его.

Сэм не стал говорить о том, что попытка возвращения ме-

неджера, который бросил Ханну в затруднительном положении, – не самая удачная мысль, и разумно оставил свое мнение при себе.

– Не вовремя, да? – сочувственно сказал он. – Прямо перед Рождеством. Его бегство объясняет тот факт, что дорога не расчищена для покупателей.

– Не думаю, что елочный развал или сувенирный магазин открыты по ночам.

– Но это было бы удобно для людей, которые весь день работают, – не смог удержаться от разумного комментария Сэм.

– Еще только начало сезона, – словно в свою защиту сказала Ханна и тяжело вздохнула. – Ты не знаешь всего.

– Расскажи мне. – Сэм уверял себя, что его интерес чисто деловой и не имеет никакого отношения к самой Ханне.

– Многое изменилось за прошедшие несколько лет, когда фермой управляли наемные работники. Все постепенно приходит в упадок, прибыль значительно снизилась. – Ханна подумала, что и так рассказала много лишнего, и прикусила нижнюю губу. – А ты, Сэм? – Она выпрямилась и посмотрела ему в глаза. – Что ты делаешь здесь среди ночи в такую погоду, когда стоит остаться дома и пить какао перед камином? Или ты решил купить елку на Рождество?

– Боюсь, что какао перед камином и ночной шопинг – не совсем мой стиль, – фыркнул Сэм. – Я знаю, что ты выставила свою любимую ферму на продажу. И я здесь присутствую

в качестве потенциального покупателя.

– Ты? – Ханна услышала недоверие в собственном голосе и заметила, как Сэм непроизвольно напрягся от ее тона.

Тем не менее она была в шоке. Сэм собирается купить Рождественскую елочную ферму? Эта новость отвлекла ее от боли в руке, вызванной обмотанной вокруг запястья веревкой, за которую она держала пони. И сейчас, глядя на Сэма, она увидела, что мужчина, стоящий в данную минуту перед ней, совсем не похож на того парня, которого она когда-то знала.

На плечах расстегнутой куртки Сэма лежали пушистые снежинки. В этой местности такую одежду не носят: щегольской клетчатый шарф был небрежно наброшен на шею под воротником его длинной куртки из темной кожи.

Поддавшись внезапному порыву приехать на ферму, Ханна не позаботилась о надлежащей для этой местности одежде и теперь стояла перед этим привлекательным мужчиной в огромной отцовской парке и ботинках, годами валявшихся у задней двери дома.

Не по ее ли вине сердце еще нестарого отца не выдержало огромной нагрузки? Сердце, которое она разбила. Эта мысль не давала Ханне покоя. Ее жизнь в городе была такой насыщенной, такой занятой. Может быть, именно поэтому даже сейчас она заполняла все свое свободное время работой.

Чувство вины, от которого она так долго бежала, обволокло ее, словно облако, стоило ей открыть дверь фермы. Про-

ще было сосредоточиться на Сэме Чисхолме, чем на вине, которая терзала ее все шесть лет, что она не переступала порога дома, в котором провела детство.

Сэм выглядел respectable мужчиной с хорошим вкусом, от него веяло богатством и властью. Мускулистая, подтянутая фигура угадывалась даже под очертаниями свободного покроя куртки. Волосы цвета воронова крыла были стильно подстрижены, гладко выбритое лицо привлекало своей мужественностью и правильными чертами: широко посаженные глаза, прямой нос, волевой подбородок с едва заметной ямочкой.

Но под этим поверхностным ощущением силы и власти таилось нечто совсем иное – плутоватый шарм разбойника или пирата. Казалось, маленькие чертики плясали в глубине его темных, почти черных глаз.

– Ты считаешь меня неподходящим покупателем для своей фермы? – напряженным голосом спросил он, буравя Ханну своими темными глазами.

Его голос напомнил Ханне о тигре: его рычание могло быть чувственным, а могло и излучать опасность.

– Прости, – поспешно ответила Ханна. – Я не хотела тебя оскорбить.

– А никто и не оскорбился, – спокойно сказал Сэм.

– Ты изменился. – Непринужденность ее тона была показной, на самом деле ей казалось, что она потеряла в нем что-то неуловимое. – Ты уже не тот бунтарь, каким я тебя помню,

но и на фермера ты тоже не похож.

Ей казалось, что она так хорошо его знает. Может, виной тому то, что она ощутила, когда он взял ее за руку. Она сказала себе, что, скорее всего, это было просто статическое электричество.

А может, и нет...

Глава 3

Засунув руки в карманы куртки, Сэм стоял посреди дороги и глубоко вдыхал морозный воздух. Одежда Сэма больше подходила городской жизни, к которой давно уже привыкла Ханна. В таком наряде он легко мог пойти в престижный клуб, чтобы пропустить пару стаканчиков после долгого рабочего дня, в театр или на ужин в любой из нью-йоркских ресторанов.

– Бунтарь? – Он удивленно поднял темную бровь.

Ханна подумала, что он выглядит очень респектабельным.

– Ты же не будешь отрицать, что был самым настоящим бунтарем?

Возможно, для Ханны было бы лучше притвориться, что она едва помнит Сэма, но у нее просто не было сил на лицедейство.

Сэм всегда умел держать свои чувства под контролем, и даже сейчас, едва не задавив пони и саму Ханну, он не выглядел взволнованным. Наоборот, он излучал уверенность, что было скорее привлекательным, чем отталкивающим. Так что Сэм Чисхолм был истинным бунтарем, и это только добавляло ему дьявольского обаяния.

Ханна вновь погрузилась в воспоминания: даже тогда, в старших классах, Сэм Чисхолм выделялся из общей массы. У него были одни-единственные, настолько заношенные

джинсы, что в нескольких местах они протерлись до дыр. Он носил кожаную куртку круглый год, даже тогда, когда было слишком холодно. Он приезжал в школу на старом тарахтевшем мотоцикле, в клубах сизого выхлопного газа.

– Бунтарь? – снова переспросил Сэм, и Ханна не смогла понять, удивлен он или же рассержен.

– Именно бунтарь.

Ханна прекрасно владела собой, и по ее интонации невозможно было догадаться, что она считала Сэма чертовски сексуальным мужчиной. Всего одно мимолетное прикосновение рук – и произошло что-то такое, что заставило кровь быстрее бежать по ее венам.

Сэм явно относился к тому типу мужчин, которые позволяют женщинам влюбляться в себя, ничего не обещая и не давая взамен. Именно таким и был ее бывший жених, который бросил ее, едва она успела похоронить мать.

Это заставило Ханну поклясться самой себе, что никогда больше не позволит мужчине раздавить себя. Именно поэтому, познав однажды поцелуй Сэма, Ханна запретила себе поддаваться его очарованию.

– Что заставило тебя прийти к такому умозаключению? – спросил Сэм.

– К какому именно?

– Что я был бунтарем.

– Ну а кем же еще? – раздраженно парировала она. – Парень, разъезжающий на мотоцикле в городе, где тракторы

– или пони – куда более распространенный вид транспорта, выглядит бунтарем, направляющимся напрямиком в гнездо разврата.

Сэм расхохотался, и Ханне понравился звук его искреннего смеха.

– О, мой старый «Харлей-Дэвидсон»... – мечтательно протянул он. – Ты знала, что я нашел его на свалке и сам отремонтировал? Ну, насколько смог, конечно. Я помню, что мотор частенько глох посреди дороги, и ни один из тех парней на тракторах, которых ты упомянула, не остановился, чтобы помочь.

– Твоя кожаная куртка издалека подавала тревожные сигналы. Тебя явно воспринимали как угрозу имиджу типичного американского городка, коим всегда был Смит.

– Я помню тот день, когда увидел эту куртку в витрине магазина. – Улыбка снова смягчила черты его лица. – Я экономил на всем, на чем только было можно, чтобы купить ее. Уверен, что я вовсе не был тем мятежным бунтарем, каким ты меня помнишь. – Его голос снова стал серьезным, а из глаз исчезло мечтательное выражение.

– Тем не менее ты им был. Сэм Чисхолм в свое время был местным аналогом Джеймса Дина.

– Тогда я полагаю, – сухо заметил он, – что ты в Смите была типичной американской девушкой.

Конечно, большинство жителей города думали, что по окончании школы она уехала в Нью-Йорк, влекомая огнями

и соблазнами большого города. Но истинные причины были самым большим секретом Ханны.

– Ты был настоящим дикарем, – выпалила Ханна в попытке переключить разговор с себя на Сэма. – И это не только мое восприятие девчонки, смотревшей на тебя сквозь призму невинности.

Невинности, которую она вскоре потеряла, и этот случай разрушил ее семью. С тех пор она старалась держаться подальше от отчего дома.

– А где доказательства? – насмешливым тоном спросил Сэм. – Должно было быть что-то большее, чем кожаная куртка и мотоцикл, чтобы называть меня дикарем.

– Тебя постоянно выгоняли из школы за курение.

– Я уже и забыл об этом, – с легкой полуулыбкой произнес он. – Я до сих пор иногда покуриваю, правда, очень редко. Только когда сильно нервничаю.

Почему ей не все равно? Непрошеное воспоминание пришло ей в голову – тот единственный раз, когда она, хорошая, скромная девушка, смело попробовала на вкус его губы. Она не помнила, чтобы от них исходил запах сигаретного дыма, только их вкус и свое возбуждение.

– А драки? – настаивала Ханна.

Она снова услышала в своем голосе чопорные нотки, маскирующие ее истинные чувства. Она опасалась, что, если не сможет держать себя в руках, Сэм очень скоро поймет, какие чувства в ней пробуждает. Как он на это отреагирует?

Не стоит разжигать огонь, если не уверена, что сможешь его погасить.

– Ну... – задумчиво протянул Сэм, – мне всегда нравилась хорошая драка. Правда, только если я побеждал.

– Насколько я помню, ты всегда побеждал.

Сэм медленно поднял на нее взгляд, и Ханне показалось, что она невольно выдала тот факт, что он в свое время являлся предметом ее девичьих грез.

– А выпивка? – быстро выпалила она, снова добавив суровости в голос.

– А вот в этом ты ошибаешься. Я не пил тогда, не пью и сейчас, – напряженным голосом отрезал он.

– Значит, – нарочито непринужденным голосом сказала Ханна, – ты только что чуть не задавил пони – и меня вместе с ним, – будучи трезвым, как стеклышко?

– Виновен, – усмехнулся он.

– Ты прогуливал школу! – торжествующе воскликнула она. – Тебя отстраняли от занятий за прогулы.

– Не без этого, – признался он.

– Почему? – проявила любопытство Ханна.

Он внимательно рассматривал ее какое-то время, а потом его взгляд внезапно стал непроницаемым.

– Это уже не важно.

Он был прав: все это уже не имело никакого значения. Ханна уже не была той, что прежде, да и он сам тоже стал совсем другим человеком.

Он, наверное, будет в шоке, узнав, какое направление приняла ее жизнь после того, как она уехала из Смита. Девушка, которую он называл паинькой, стала разочарованием для самой себя.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке? – спросил Сэм и шагнул навстречу Ханне. Он посмотрел на нее и слегка нахмурился. – Рука все еще болит?

– Болит.

Сэм взял ее за руку, осторожно снял с нее перчатку и внимательно осмотрел ладонь со всех сторон.

– Выглядит неважно, – подытожил он.

Ханна увидела, что рука опухла и побледнела. Веревка, к которой был привязан пони, попала между большим пальцем и ладонью и содрала в этом месте кожу до крови. Казалось, пульсирующая боль утихла, когда Сэм осторожно провел по ране большим пальцем.

Впервые она увидела Сэма, когда он учился в выпускном классе. Ханна была всего на год младше его. Разумеется, он даже не подозревал о ее существовании. Было легко обожествлять его на расстоянии: самоуверенный красавец, сексуальный, с лукавой улыбкой и хитрым взглядом.

Но, к ее величайшему сожалению, однажды все изменилось.

Приближалось Рождество, и Сэм с несколькими друзьями оказались на ферме. В тот год, как и всегда, ее отец в нескончаемом стремлении привлечь больше покупателей

расчистил от снега старый пруд и в качестве рекламного хода предлагал бесплатное катание на коньках и горячий шоколад.

Ханна с грустью вспомнила, что в конце сезона затраты едва окупились. Кажется, именно тогда и появилось на свет ее уважение к порядку в числах и суммах.

В том году Ханне снова пришлось, стиснув от досады зубы, поучаствовать в семейном бизнесе, надев на себя костюм эльфа. Когда Ханне было двенадцать, ей нравилось быть частью рождественских приготовлений. Ей было приятно, что отец подарил ей маленького пони, и они были настоящей рождественской командой: эльф, предлагающий детишкам покататься в маленьких санях, запряженных пони.

Но в тот год, когда Ханне исполнилось пятнадцать, она уже была нескладным подростком. Ее потребность в отцовском одобрении пересиливала внутренний протест, поэтому она снова надела на себя костюм эльфа и тихо возненавидела Рождество и все, что с ним связано.

Даже Молли, которую Ханна безоговорочно любила до того времени, начала казаться ей противным животным, а Ханна должна была следить, чтобы глупый пони не покусал малышей. Никакие протесты, угрозы, слезы и нытье не смогли убедить ее отца в том, что она переросла роль эльфа.

Но и помимо этого у Ханны было полно работы на ферме. Она чистила широкой лопатой снег на катке и делала в мастерской венки из омелы, продавала тошнотворно-милые

безделушки в сувенирной лавочке, стряхивала снег с елок или катала ребятню в санках, запряженных злой и норовистой Молли.

Однажды Сэм увидел ее в костюме эльфа... Она тут же бросила пони, на котором хотела предложить покататься маленькому противному мальчишке. Она собиралась сбежать в тот же момент, когда увидела Сэма и его друзей, выходящих из пикапа Тома Brentона, но было слишком поздно: они ее заметили. Автомобильные гудки и громкий смех сопровождали ее, пока она бежала к дому.

Она услышала голос Сэма, но он вовсе не смеялся.

– Заткнитесь, парни. Ей и без вас неловко.

Ханна захлопнула за собой входную дверь и прислонилась к ней спиной. Парень, по которому она втайне сходила с ума, жалел ее.

Глава 4

Если бы все так и закончилось и все участники этого инцидента вскоре забыли бы о случившемся, Ханна была бы только рада.

Но нет, то, что Сэм увидел ее в костюме эльфа, имело печальные последствия: она перестала быть для него невидимкой. Увидев ее в школе, Сэм улыбнулся своей сексуальной улыбкой и проговорил:

– Эй, эльфик, как дела?

– Не называй меня так, – хмуро ответила Ханна. Это были первые ее слова, сказанные объекту обожания.

Он только ухмыльнулся и, когда в следующий раз увидел ее, снова повторил те же самые слова.

Ханна считала, что он издевается над ней и над фермой ее родителей. К моменту наступления школьных рождественских каникул Ханна была на грани: она устала от костюма эльфа, от плетения венков, от продаж, которые оказались куда ниже, чем ожидал ее оптимистичный отец.

Ко всему прочему, Сэм продолжал ее дразнить. Подруги Ханны приходили в восторг от внимания, которое Сэм ей оказывал, а сама Ханна была в отчаянии. Она хотела, чтобы Сэм видел в ней не забавную девочку, а женщину. Она до сих пор помнила дрожь, пробегавшую по ее спине под взглядом Сэма.

Поэтому в момент полнейшего отчаяния она решила доказать ему, что уже не ребенок.

Он сидел верхом на своем мотоцикле позади школьного здания. В тот день уроки уже закончились, и Ханна выходила из школы в числе последних.

– Задержалась, мой маленький эльфик?

Как ни странно, он вовсе не выглядел веселым. Наоборот, его глаза были хищно прищурены, словно он был готов дать отпор каждому, кто посмеет над ней насмеяться.

Других учащихся вокруг не было, автостоянка была пуста, школьные автобусы разъехались.

– Я не твой маленький эльфик, – отрезала она, а потом добавила надменным и, как ей казалось, очень взрослым тоном: – Вообще-то я обсуждала ямб с мисс Джеймс.

Изумление мелькнуло в карих глазах Сэма. На мгновение Ханна подумала, что одержала над ним верх. Сэм был молчалив и задумчив, его лицо ровным счетом ничего не выражало. А потом он прикусил нижнюю губу, его плечи беззвучно сотрясались. Казалось, он больше был не в силах себя сдерживать: Сэм откинул голову назад и разразился хохотом. Его искренний смех оказался самым прекрасным звуком, который Ханна слышала.

Ханна отшвырнула в сторону свои учебники и подошла вплотную к Сэму. Она стояла так близко, что ощущала едва уловимый запах его кожаной куртки. Он перестал смеяться, но веселье все еще плескалось в глубине его глаз. Он ждал,

что она будет делать дальше. Наверное, ударит.

Но Ханна этого не сделала. Стоя рядом с ним, она испытывала пьянящее чувство, которое сама была не в состоянии описать. Она хотела доказать, что теперь он не сможет над ней смеяться.

Видя изумление в его глазах, Ханна наклонилась к нему. А потом она схватила его за отвороты куртки и притянула к себе. Сэм попытался слабо сопротивляться, но она проигнорировала этот факт. И тогда она сделала то, что делала миллион раз в своих мечтах.

Она поцеловала Сэма Чисхолма.

Ханна, которая никогда прежде никого не целовала, легко накрыла его губы своими. На мгновение он был ошеломлен, но только на одно мгновение.

А потом он осторожно положил руку на ее затылок и притянул Ханну ближе к себе. Все ее иллюзии, что поцелуй будет целомудренным, мгновенно развеялись. Сэм с жадностью исследовал ее губы.

А потом он внезапно отшатнулся от нее, и морозный воздух пробрал ее до костей. В его прищуренных глазах плескалась с трудом скрываемая ярость.

– Послушай, девочка с омелой... Не играй с огнем, который не сможешь потушить.

Девочка с омелой? Еще один камень в огород их семейного бизнеса заставил Ханну почувствовать себя так, будто она снова стоит перед ним в костюме эльфа.

Сэм встал с мотоцикла, собрал учебники и протянул их Ханне, как будто между ними ровным счетом ничего не произошло.

– Да я бы никогда не связалась с таким типом, как ты, – отрезала она, выхватила книги из его рук и прижала их к груди. – Я знаю, где ты живешь, Сэм Чисхолм, и чем занимается твой отец.

Слова прозвучали так по-детски глупо, что ей до сих пор было стыдно за эту выходку. И сейчас, глядя на этого взрослого мужчину, Ханна все еще помнила выражение его лица. На какой-то миг он выглядел совершенно ошеломленным. А затем снова сел на мотоцикл, и его глаза сузились до опасных хищных щелочек. Отец Сэма Чисхолма был алкоголиком, который хватался за любую, даже самую грязную работу.

Самый привлекательный парень школы жил в обветшалом трейлере на окраине Смита, прямо между железнодорожными путями и заброшенной мельницей. Его лицо было холодным как лед. Сэм смотрел на нее достаточно долго и пристально, чтобы Ханна устыдилась своих слов, но не взяла их обратно.

А теперь они оба вернулись в Смит. Причем он явно собирался купить ферму ее родителей, и похоже, у него были на это средства.

– Зачем тебе понадобилась моя ферма? – спросила Ханна.

– Я владею Яблонево́й Долиной. Возможно, ты слышала?

Этот момент явно доставил Сэму удовольствие, потому что на лице Ханны отразился благоговейный ужас. Яблоневая Долина была образцом успеха.

Компания Сэма, относительно новая, специализировалась на местных органических продуктах. Люди хотели делать покупки ближе к дому и знать, что они покупают качественную продукцию, и компания Сэма давала им такую возможность.

– Конечно, слышала, – не стала отрицать Ханна. Она заметила, что Сэм выглядел польщенным.

– Поэтому ты считаешь, что покупка Рождественской фермы – удачная идея?

– Мне нравится эта земля по двум причинам. Во-первых, у нее прекрасное расположение, прямо перед шоссе. А во-вторых, чтобы сертифицировать свою продукцию как органическую, мне нужна почва, которая не подвергалась воздействию химикатов в течение определенного количества лет.

– Значит, ты не станешь сохранять елочный базар?

– Ты разочарована?

Ханна хотела сказать «нет», но не смогла. Он читал ее эмоции с пугающей точностью.

– Продажа рождественских елок... – произнес он. – Лично я не фанат Рождества, но с точки зрения бизнеса это может иметь смысл.

– Что значит – не фанат Рождества?

Она вспомнила: он упомянул сегодня, что даже не покупает елку, да и какао перед камином не пьет.

Сэм колебался, но, когда он заговорил, его голос был лишен всяческих эмоций.

– Просто в это время, когда все веселятся и покупают подарки, я всегда чувствовал себя сторонним наблюдателем. У нас в доме никогда не было елки.

Ханна тоже пожалела, что он об этом рассказал, потому что ей и так было достаточно трудно держать оборону перед таким привлекательным и уверенным в себе мужчиной. Но когда Ханна представила себе маленького мальчика, у которого никогда не было настоящего Рождества, у нее сердце обливалось кровью от жалости.

– Ох, Сэм... У нас всегда оставались нераспроданные деревья, полностью украшенные. Мы каждый год проводили конкурсы. Вы могли бы взять одну из этих елок.

Сэм раздраженно посмотрел на нее. Ханне хотелось показать ему, что он не одинок в своих чувствах относительно Рождества.

– Не уверена, что находиться внутри рождественской суеты намного лучше. Я ни разу не покупала елку с тех пор, как уехала отсюда.

– Серьезно?

– В детстве я свято верила, что искусственные елки – это работа дьявола, а заплатить за живое дерево те сумасшедшие деньги, которые за него запрашивали в городе, у меня просто

рука не поднималась. К тому же в моей крохотной квартирке живую елку все равно не получится поставить.

– Ну, я уверен, у тебя была самая роскошная елка, когда ты приезжала домой.

Ханна предпочла бы, чтобы Сэм продолжал считать, что они с родителями так и остались настоящей семьей, но слова против воли сорвались с ее губ.

– Отец умер через год после того, как я закончила школу. Мама вышла замуж и переехала, поэтому фермой управляли менеджеры и постепенно привели ее к полному упадку. Эта ферма давно перестала быть для меня домом...

– Мне очень жаль, – вздохнул он и внимательно посмотрел на Ханну.

– Не о чем тут сожалеть, – язвительно произнесла она.

– Значит, – быстро сменил тему Сэм, – хорошая елка в городе недешево стоит?

– Целое состояние, – кивнула Ханна. – А омела и того дороже.

Господи, ну почему она упомянула омелу именно в разговоре с ним? «Девушка с омелой» словно материализовалась из воздуха между ними.

– Да, я знаю, что омела очень дорогая, – сказал Сэм. – Я покупал ее однажды. – Он задумчиво посмотрел вдаль.

– Ты никогда не покупал елку, но купил омелу. – Любопытство буквально разрывало Ханну на части. – Но зачем?

– Наверное, у меня была эта дурацкая мысль, что если я

принесу омелу в кармане, а в нужный момент достану ее и подниму над головой, то соберу немало рождественских поцелуев.

– Ну и как, сработало? – Ханна почувствовала, как дрожь прошла по ее спине при одной мысли о том, что она могла встретиться с Сэмом под венком из омелы.

– У меня не хватило наглости.

– Знаешь, омела была популярна в начале прошлого столетия потому, что прилюдно можно было поцеловаться только под ней. Мне кажется, сегодня это уже не будет работать.

– А здесь омела растет? – поинтересовался он. – Я помню, что ты ее продавала.

– Нет, мы ее покупали, – сухо ответила Ханна. – Она растет в Техасе.

– Хм... Омела. Елки.

– Венки, – услужливо подсказала Ханна, пытаясь сосредоточиться исключительно на бизнесе.

– У меня уже есть магазины, а продажа органических продуктов у самого шоссе в зимние месяцы может стать проблемой. Надо подумать над эффективностью продажи рождественской линейки продуктов. Думаю, это может неплохо отразиться на прибыли компании.

Ханна была застигнута врасплох теми чувствами, которые она испытала, пока говорил Сэм. Она знала, что именно он выяснит в скором времени: органические рождественские продукты не слишком хорошо продаются. По крайней

мере, они плохо продавались на ферме ее родителей.

Сколько Ханна себя помнила, семья едва сводила концы с концами. Почему же тогда при мысли о том, что елочной фермы больше не будет, ее одолевает печаль?

Глава 5

– Это было бы забавно, – сказал Сэм. – Я ввязался в елочный бизнес.

– А я выхожу из него, – мягко добавила она.

Она выходит из бизнеса, который был последним напоминанием о ее семье. Ну, нет худа без добра. Правда, у Ханны было ужасное чувство, что она может вот-вот расплакаться.

– Ты приехал на день раньше, – нейтральным тоном произнесла Ханна. – Возвращайся завтра, я буду готова тебя принять.

Она пробыла в доме совсем недолго, успела только схватить ботинки и куртку, и мельком заглянула в сарай за веревкой. Но даже со стороны было заметно, что дом сильно обветшал. До завтрашнего полудня она бы успела хоть немного навести порядок, поговорить с мистером Дьюи, а потом уехать.

– Я должна поймать лошадь. – Ханна пошарила в кармане необъятной куртки в поисках пожухлой морковки, которую прихватила в сарае. – Ты не мог бы вернуться сюда завтра в районе полудня?

Ханна помнила, что каждый год на Рождество она получала именно то, что просила. Даже если продажи шли не так уж хорошо, под елкой ее все равно ждал желанный подарок: новые коньки, модный пуховик или новая блузка. И ее отец,

так редко улыбавшийся, сиял от счастья и гордости.

«Ох, папа, папа... мне так жаль», – сокрушенно думала Ханна.

Любовь может ранить больше всего, и Сэм снова напомнил ей об этом. Любовь и радужные надежды, разбившиеся на осколки, могут причинить ни с чем не сравнимую боль.

Ханне внезапно захотелось, чтобы Сэм поскорее ушел.

– Приходи завтра, – снова сказала она гораздо резче, чем ей хотелось бы, – если тебе удобно, конечно.

Ханна повернулась в сторону пони, приманивая его морковкой. Сэм сделал вид, что не понял намека, он подошел к ней и молча взял морковь из ее рук.

– Без тебя справлюсь, – раздраженно бросила она и шагнула к Молли, которая тут же фыркнула и отскочила в сторону.

– Может, мне лучше остаться, пока ты ее не поймаешь? Я не хочу, чтобы твоей руке стало еще хуже, чем сейчас.

И снова в ней всколыхнулось желание на кого-то опереться, с кем-то поделиться, посмеяться, кого-то любить... Но, вспомнив, какое фиаско потерпели ее отношения с Дарреном, она поняла, что эти желания сделали ее слабой и уязвимой.

– Я сама справлюсь.

– Давай, милая, сдавайся, – певуче произнес Сэм, и Ханна почувствовала волну раздражения.

Она выпрямила плечи и упрямо вздернула подбородок.

Милая? Это еще хуже, чем эльфик! Она не собиралась начинать свои новые взаимоотношения с Сэмом Чисхолмом с той же точки, на которой они когда-то расстались. Нет, подождите! Взаимоотношения – это слишком громко сказано. И вообще, что он имел в виду? Что значит – сдавайся? Что она должна ослабить свой самоконтроль?

Ханна сделала глубокий вдох и повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо. Она собиралась сказать Сэму, чтобы он не называл ее милой, и сдаваться она тоже не собирается! Ханна судорожно обдумывала свои тревоги, когда поняла, что Сэм полностью ее игнорирует, повернувшись к Молли.

– Милая... – протянул он все с той же интонацией, и теперь Ханна поняла, что он обращался к пони, а вовсе не к ней. – Сдавайся.

Сэм затаил дыхание. Пони сделал осторожный шаг в его сторону, затем еще один.

– О да. – Он оглянулся через плечо на Ханну и лукаво улыбнулся. – Мое природное очарование все еще неотразимо.

Желание слегка подразнить Ханну внезапно вернулось, как будто и не было прошедших десяти лет. И ее реакция была примерно такой же, как и прежде: Ханна воинственно скрестила руки на груди, давая понять, что его очарование совершенно на нее не действует.

Сэму внезапно пришла в голову мысль: она могла подумать, что милой он называл именно ее, а не лошадку. Это

понравилось бы ей не больше, чем эльфийское прозвище. Ее предсказуемая реакция вызывала в нем почти непреодолимое желание снова подразнить ее.

Здравый смысл взял верх. Он знал, что последнее, что ему сейчас нужно, – это дразнить такую женщину, как Ханна Меррифилд. Она относилась к тому типу женщин, которые за невинным подразниванием видят нечто куда большее. А он прекрасно понимал, к чему это может привести.

Ханна из тех женщин, которые говорят, что им чужды традиции. Но тем не менее они им нужны. Ханне Меррифилд нужны старомодные ухаживания, а потом свадьба с проходом по церкви в белоснежном платье и фате. А затем детишки и двухэтажный домик с белым забором.

Ей будет нужен мужчина, который сможет дать ей эти вещи. Мужчина, который вырос в нормальной семье, с традиционным семейным укладом. Мужчина, которого выберет Ханна, будет стабильным, трудолюбивым и надежным человеком, который любит пить какао перед камином и наряжать елку на Рождество.

При одной только мысли о подобном человеке у Сэма неприятно засадило горло – он ему заранее не нравился. На самом деле Сэм прекрасно понимал, что сам он меньше всего подходит на эту роль.

– Я разведен, – прямо сказал он Ханне.

Он не хотел, чтобы она думала, будто его легкое заигрывание или тот электрический разряд, который пронзил их при

легком соприкосновении рук, хоть что-то значат. От его внимания не ускользнул тот факт, что Ханна слегка вздрогнула при слове «развод».

– Ты считаешь, что меня это должно заинтересовать? – холодно спросила она.

– Я понимаю, что мой природный шарм не достоин такой девушки, как ты. Не волнуйся, я не собираюсь применять его к тебе, но я не прочь попрактиковаться на пони.

– Что значит – «такая девушка, как я»? – жестко спросила она, как будто Сэм ее только что оскорбил.

– Тебе нужно то, что такой парень, как я, никогда не смог бы тебе дать, Ханна.

– Мне от тебя ничего не нужно! Ты не настолько хорошо меня знаешь, чтобы выдвигать предположения о том, чего я хочу! – обиженно выпалила Ханна. – Ты никогда меня не знал, не знаешь и сейчас.

– У таких девушек, как ты, все навсегда. – Сэм подошел ближе. – Выйдя замуж, ты никогда не разведешься, так ведь?

– Я не собираюсь выходить замуж, так что твой вопрос бессмыслен.

– Не собираешься? – Сэм с легкостью представил ее около рождественской елки в окружении мужа, парочки пухлых ребятишек и золотистого ретривера. – Это нелепо.

– Неправда. – Она грозно сверкнула глазами. – Тот факт, что я ни разу не была замужем, не означает, что ты единственный, у кого были неудачные отношения. Я два года бы-

ла помолвлена.

– Вот сволочь, – прорычал Сэм.

– Что-о-о? – растерялась Ханна.

– Он тебя бросил.

– Откуда тебе знать? – воинственно спросила Ханна, справившись с собой.

– Потому что, если ты сказала «да» на его предложение, это значит, что ты дала слово, которое собиралась сдержать. И это слово держало тебя еще долго после того, как ты поняла, что это было ошибкой.

– Я никогда не считала это ошибкой. – Ее тон предостерегал от дальнейших комментариев.

– Сволочь, – снова повторил он.

– Нет, – твердо произнесла она. – Он сделал мне одолжение. Мне нравится одиночество. – Сэм ничего не ответил, и Ханна решила уточнить: – Я вовсе не приглашаю тебя оттачивать свое очарование на мне.

– Не буду, – кивнул он.

– Я полностью сосредоточена на карьере.

– Потрясающе, – пробормотал Сэм.

Он понимал, что должен оставить этот разговор, но не смог. Ханна Меррифилд без ума от своей работы бухгалтером? Это просто нелепо! Он должен дать ей понять, что знает о ней такие вещи, которые ей самой неплохо бы о себе узнать.

– Да, – упрямо повторила Ханна. – Потрясающе.

– Точно.

– Ты говоришь так, будто ты меня знаешь!

– Ты – очень постоянный человек. Ты – та девушка, которая пьет какао дома в снежную ночь, – тихо сказал он. – Ты принадлежишь тому образу жизни, который так долго отрицала.

Ханна смотрела на него с неприкрытым раздражением, которое могло бы послужить неплохим противоводием от их взаимного притяжения.

Между ними всегда что-то было. Всегда. Тогда она была слишком юной, но даже десять лет назад Сэм прекрасно осознавал, что он ей не пара. Его неудачный брак был достаточным доказательством его правоты.

Сэм не привык к поражению, и развод все еще довольно ощутимо задевал его. Хотя это послужит ему прекрасным напоминанием, что не стоит слишком сильно увлекаться Ханной Меррифилд.

Проблема в том, что он чувствовал себя обязанным помочь ей поймать пони. А что еще он должен был сделать? Оставить Ханну здесь одну, когда ее рука была травмирована?

Сэм отвел глаза от пронзительного взгляда Ханны и увидел, что пони смотрит на него. Кто бы мог подумать, что животное может смотреть с такой неприкрытой неприязнью? Прямо как ее хозяйка.

Молли с поразительной скоростью прыгнула вперед, вы-

рвала морковь у Сэма, едва не откусив ему пальцы своими большими желтыми зубами, и снова отскочила назад. Она стояла вне пределов досягаемости, жевала морковь и искоса поглядывала на Сэма.

– Она меня перехитрила, – ошеломленно протянул Сэм и скользнул взглядом по лицу Ханны, услышав приглушенный смешок.

Она была прекрасна, как никогда. Снежинки покрывали ее волосы, щеки порозовели от морозного воздуха, легкая улыбка тронула ее полные губы. Казалось, она может с легкостью пробить защиту, которую он так долго выстраивал вокруг себя.

Сэм оглянулся на заснеженное поле, сарай и дом, который стоял на этом месте уже больше ста лет и в котором выросло не одно поколение Меррифилдов. Никто и никогда не увидит в этом умиротворяющем месте опасности. Кроме него.

Сэм знал, что попал в самое опасное для самого себя место. Боль спазмом сковала его горло. Он поможет Ханне поймать этого треклятого пони, потому что это было правильно. А правильные поступки были важны для него, это был его способ подняться над самим собой.

А потом он отсюда уедет. Не оглядываясь. У него есть люди, которые смогут купить ферму от его лица. Он даже может кого-то попросить завтра встретиться с Ханной, не обязательно это делать самому.

Так почему же он приехал в первую очередь именно сю-

да? Видимо, потому, что ему попалось на глаза объявление о продаже фермы, и сразу же в его памяти всплыл городок Смит, эта ферма и Ханна.

Он приехал с надеждой в сердце. И он понял то, что и так уже давно знал. Надежда – глупое и опасное чувство.

Но если бы он не приехал, он не увидел бы эту магию зимнего морозного вечера. Если бы он не вернулся, то не поддался бы природному очарованию этой девушки, которая интриговала его с тех самых пор, как он впервые увидел ее в костюме эльфа.

Почему он приехал? Он ведь не рассчитывал найти ее именно тут; менеджер сказал ему, что Ханна давно здесь не живет. Ответ прост: чтобы удовлетворить свое любопытство, узнать несколько фактов, дабы выяснить все, что случилось с Ханной Меррифилд.

Глава 6

Ханна была в отчаянии. Ей хотелось, чтобы Сэм увидел ее успешной, амбициозной и преуспевающей бизнес-леди, но он видел то, кем она на самом деле являлась, с пугающей ясностью.

Она бы действительно пошла до конца в отношениях с Дарреном. Она сказала «да», приняла кольцо. Приглашения были разосланы, церковь забронирована.

Ханна могла бы проигнорировать внутренний шепоток, который твердил ей «нет». Когда Даррен порвал с ней, ей было больно. И время он выбрал самое неподходящее: ее мать только что умерла. Ханне необходима была та стабильность, которую она спланировала для себя. Точнее, для них...

Но когда Даррен, смущаясь, сказал ей, что любит другую, что она почувствовала, помимо гнева и боли от предательства?

Облегчение. Огромное облегчение.

– Тебе повезло, что Молли тебя не укусила, – пробормотала Ханна, злясь на себя за то, что по ее лицу Сэм так легко читает ее чувства.

Он посмотрел на пучок морковной ботвы у себя в руках. Что-то неуловимо в нем изменилось, ослабла какая-то напряженность, как будто он принял непростое решение. Сэм улыбнулся.

Ханна не смогла удержаться от ответной улыбки. Однако лучше сосредоточиться на поимке пони, а не на любовании улыбкой Сэма и дьявольским блеском его карих глаз.

– Это самый отвратительный пони на свете, – сухо произнесла Ханна. – Взрослый мужчина только что уволился и запил именно из-за него. Кстати, он продается вместе с фермой. Полный комплект, так сказать.

– На это и нужны переговоры перед сделкой. Если я покупаю ферму, ты забираешь себе пони.

– Я живу в квартире.

– Ты упомянула об этом, когда говорила, что тебе некуда ставить елку. Забавно. Никогда не думал, что ты будешь жить в городе.

– Не могу придумать причину, по которой ты вообще обо мне думал, – холодно отрезала Ханна, раздражаясь от его пронизательности.

– Я случайно увидел объявление о продаже фермы. Наведя справки, я узнал, что твоя мама умерла, именно поэтому ферма и продается. Потому я и захотел узнать, что с тобой произошло, – честно признался он.

– Чтобы удовлетворить свое любопытство, не более.

– Я представлял тебя замужем за таким типичным американцем, с толпой розовощеких детей, наряженных в костюмчики эльфов.

– Никогда в жизни я бы не заставила своих детей надевать эти чертовы костюмы. – Ханна внимательно посмотрела на

Сэма.

Она заметила тень удовлетворения, мелькнувшую на его лице, и поняла, что он снова прочел ее как открытую книгу: ей действительно этого хотелось, особенно детей.

– Как видишь, – сухо произнесла Ханна, – реальность о пони сильно отличается от мечты о пони. То же самое касается и реальной жизни. И скорее всего, детей тоже.

Ханна не смогла полностью убрать напряжение из голоса, и по тому, как нахмурился Сэм, она поняла, что он догадался о ее разбитых мечтах. Ханна выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза:

– Некоторые сочтут мою работу скучной, но мне она нравится!

– Что может нравиться в работе бухгалтером? – с почти оскорбительным скепсисом спросил Сэм.

– Упорядоченность цифр, – ответила она.

– А-а-а... – протянул он с сомнением.

– Я свободна, я живу в Нью-Йорке. О таких женщинах, как я, снимают передачи.

– Ты не такая женщина.

– Может, и так, – приторно-сладко произнесла она, – потому что все они падают ниц от твоего природного шарма.

Какое-то мгновение Сэм просто смотрел на нее. А потом его взгляд упал на ее губы, и Ханна с ужасом осознала, что нервно их облизывает.

Ханна подозревала, что оба они знали: она поддастся его

очарованию, если ему вздумается всерьез применить его на ней. Она вспомнила вкус его опытных губ и тут же отвернулась, чтобы не броситься освежать воспоминания. Ханна попыталась осторожно подползти к Молли.

– Трудно быть презрительно-саркастичной в ботинках, которые тебе велики на пять размеров, – прокомментировал Сэм. – Возможно, если мы подойдем к пони с разных сторон, нам повезет больше.

Везение – не самый подходящий термин, когда дело касается Сэма, решила Ханна. Умом она понимала, что встреча с Сэмом не принесет ей ничего хорошего, но тело предательски жаждало его объятий и поцелуев, чтобы испытать снова то волнение, которое он пробуждал в ней.

Ей необходимо избавиться от него! Сэм – угроза той жизни, которую она нарисовала для себя: любящий муж и дети, работа с цифрами, которая ей нравилась, продвижение по карьерной лестнице и должность генерального директора к сорока годам. Сэм Чисхолм, раздражающий своим неуместным рыцарством, ясно дал ей это понять.

Надо поймать пони. Если нужно немного поработать с ним в команде, чтобы ускорить процесс, что ж, она готова. Но она вовсе не собирается веселиться! Она украдкой посмотрела на губы Сэма, дрогнувшие от полуулыбки, и ее желудок сделал стремительный кульбит, как будто она на полной скорости мчалась на американских горках.

Пытаясь выровнять дыхание, Сэм осторожно подбирался к пони. Прошел уже целый час, как Молли доказывала, что ее практически невозможно поймать. Ленивая, но очень хитрая, она ловко избегала захвата, при этом не проявляя особой агрессии. Казалось бы, без особых усилий она пробиралась по сугробам и холмам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.